

«Лит.-России» 1977, 28 янв. № 5

СЛУЖЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЕ

К 80-летию со дня рождения В. П. Катаева

ком на стройке, взбирался на леса, спускался в котлованы, бегал по шатким мосткам над траншеями, дежурил в ночной смене около бетономешалки, вызвавшей на соревнование бетонщиков Харькова... Несколько месяцев безвыездно жил он на стройке. Блокноты его были заполнены именами, цифрами, сводками... Всем, что потом заживет, наполнится пульсирующей кровью, воплотится в строки романа «Время, вперед!».

«Возьми строку и время верни», — писал поэт.

Возьмите, перечитайте «Время, вперед!», и перед вами откроется чудо. Чудо-стройка, чудо-город, чудо-люди. На десятки языков переведен катаевский роман, по нему сделаны кинофильмы и театральные спектакли, он издается и переиздается. И долго будет еще жить. Такова плата за труд писателя, за его бессонные ночи, за вдохновение.

А он тем временем, написав несколько комедий, драму, водевиль («Миллион терзаний», «Дорогой цветов», «Авангард»), повернул свой корабль на юг и поплыл в солнечную Одессу, в легендарный тысяча девятьсот пятый год. В середине тридцатых годов вышла повесть «Белеет парус одинокий», ставшая классическим произведением для юношества и первой частью тетралогии «Волны Черного моря».

Более двадцати лет писал Катаев эту эпопею, охватывающую время с 1905 года по Великую Отечественную войну. Это огромный вклад в литературу о нашем времени, монументальный труд, насыщенный событиями двадцатого века, любовью к Родине, мужеством и верой в правоту Ленина. С глубоким реализмом, не боясь правды, признания ошибок, слабостей, Катаев воспевает силу духа советского человека...

Открыл я третий том Краткой литературной энциклопедии, изданный в 1966 году. Как же он устарел на букву «К»! Ведь после того как этот том был составлен, Валентин Петрович написал еще несколько книг. Он написал «Святой колодец» и «Траву забвения», «Кубик», «Разбитую жизнь, или Волшебный рог Оберона», трогательное «Кладбище в Скулянах» и превращенную затем в пьесу и в телеспектакль «Фиалку», произведение, великолепно разыгранное на телевизионном экране Е. Шatroвой, В. Сперантовой, Н. Анненковым.

Вообще актерам, игравшим в театре и в кинематографе произведения Катаева, повезло. Роли в его комедиях, драмах, инсценировках романов всегда прекрасные, живые, благодарные. Можно назвать десятки фамилий, блеснувших и в «Парусе», и в «Квадратуре», и в «Миллионе», в «Дороге», в «Авангарде», в «Шел солдат с фронта», в «Сыне полка», в «Синем платочке» (все фронтовые театры во время войны ставили эту пьесу), в «Домике», во «Времени», в «Отчем доме», в «Дне отдыха»... До сих пор перед глазами М. Яншин, Б. Ливанов, В. Бендина, С. Межинский, М. Болдуман...

Каждый год Катаев дарит нас новой книгой, романом, повестью, пьесой, рассказом...

Штурвалу писателя подчиняется время. Захочет — и мы вместе с автором встретимся с его другом Владимиром Маяковским, а захочет — с его литературным учителем Бунным, с Сергеем Есениным, с Демьяном Бедным, с Юрием Олешием, с Всеволодом Багрицким, с братом Катаева Евгением Петровым и с Ильей Ильфом, которые называли его мэтром и своим учителем, которому посвятили «Двенадцать стульев».

Иногда как старые друзья мы гуляем с Валентином Петровичем по Переделькину, вспоминаем, спорим, оцениваем. Беседовать с ним — наслаждение. Несмотря на некоторое несходство вкусов и расхождение в оценке различных событий. Но в основном-то мы с ним согласны. Он человек справедливый (в основном), резкий, восторженный, любящий юмор, разительно ненавидящий паразитов и спекулянтов. Человек с удивительной биографией, прошедший две войны, раненный на фронтах первой мировой войны, газетчик и журналист, воспитатель молодых литераторов, требовательный к ним и к себе (к себе больше!), коммунист, неутомимый путешественник, отец и дедушка, он являет для нас пример служения литературе.

Не всегда критика была справедлива к нему. Помню, когда вышли первые главы «Время, вперед!», один известный литературный критик назвал это произведение «сильно преувеличенной во много раз квадратурой круга», утверждал, что писатель представил великую стройку как водевиль и т. д.

К чести писателя надо знать, что на критику он всегда реагировал спокойно, не обижался, не мстил, не становился в позу несправедливо обиженного. Он всегда старается извлечь из критики зерно истины.

Он любит исправлять свои старые произведения, переписывает целые куски, охотно работает с редакторами.

Сегодня, в день его восьмидесятилетия, нужно прямо и открыто сказать, что Валентин Петрович являет для всех нас пример высокого служения литературе, вдохновения и трудолюбия.

Вот с этим мы и поздравляем юбиляра!

Исидор ШТОК

МЫ ПОЗНАКОМИЛИСЬ пятьдесят лет назад в его квартире, где-то в районе Чистых прудов. Группа пролеткультовцев — актеров и студийцев Первого передвижного рабочего театра — явилась к писателю с просьбой разрешить нам поставить комедию «Квадратура круга». В те далекие времена существовало правило: независимо от того, напечатана пьеса или нет, есть ли она в отделе распространения, принята ли к постановке другим театром, нужно обязательно просить разрешения у автора. Это благородное правило нынче забыто, никто к нему серьезно не относится.

Вот пришли мы к автору, поговорили о пьесе, о том, как следует ее ставить, получили разрешение, да так пьесу и не поставили. Не разрешило руководство Пролеткульта. А потом на сцене МХАТа, в «Аквариуме», по всей стране, в сотнях театров прошла эта комедия. Весело, жизнерадостно, любовно... Идет она и до сих пор, радует, веселит, пробуждает чувства добрые, рассказывает о комсомольцах первого десятилетия революции. Наверно, будет идти еще долго-долго. Не угадало руководство Пролеткульта судьбы этой пьесы.

А Катаева мы подкупили

тем, что хорошо знали и его «Растратчиков», и «Универмаг», видели спектакли, читали его рассказы... Был очень веселый и задорный разговор. Мы понравились друг другу.

Потом мы встречались с ним во Всероскомдраме — обществе драматургов, в Кружке — театральном клубе, в Доме Герцена.

А в 1931 году в жаркий, овеваемый всеми ветрами, наполненный грабарами, механизаторами, сезонниками из всех республик Советского Союза, изрытый и шумящий на весь мир Магнитострой прибыл из столицы вагон-редакция. В этом вагоне приехали журналисты и писатели во главе с Демьяном Бедным. Там же был и Валентин Катаев. Вагон пробыл несколько дней на строительной площадке, затем укатил дальше. Катаев остался. Он пришел в заводскую гостиницу, где жили специалисты с заводов Юга и Урала, иностранцы, проектировщики, землекопы, бетонщики, журналисты. Первым знакомым человеком оказался я.

— Наконец-то хоть одно знакомое мне лицо! — кричал Катаев.

Он принес из вагона свой чемодан, блокнот и темные очки. Он поселился с нами, газетчиками. Через неделю он был уже своим челове-

28 янв 1977

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕЩАТЕЛЬ

г. МОСКВА

МЫ ПОЗНАКОМИЛИСЬ пятьдесят лет назад в его квартире, где-то в районе Чистых прудов. Группа пролеткультовцев — актеров и студийцев Первого передвижного рабочего театра — явилась к писателю с просьбой разрешить нам поставить комедию «Квадратура круга». В те далекие времена существовало правило: независимо от того, напечатана пьеса или нет, есть ли она в отделе распространения, принята ли к постановке другим театром, нужно обязательно просить разрешения у автора. Это благородное правило нынче забыто, никто к нему серьезно не относится.

Вот пришли мы к автору, поговорили о пьесе, о том, как следует ее ставить, получили разрешение, да так пьесу и не поставили. Не разрешило руководство Пролеткульта. А потом на сцене МХАТа, в «Аквариуме», по всей стране, в сотнях театров прошла эта комедия. Весело, жизнерадостно, любовно... Идет она и до сих пор, радуется, веселит, пробуждает чувства добрые, рассказывает о комсомольцах первого десятилетия революции. Наверно, будет идти еще долго-долго. Не угадало руководство Пролеткульта судьбы этой пьесы.

А Катаева мы подкупили

тем, что хорошо знали и его «Растратчиков», и «Универмаг», видели спектакли, читали его рассказы... Был очень веселый и задорный разговор. Мы понравились друг другу.

Потом мы встречались с ним, во Всероскомдраме — обществе драматургов, в Кружке — театральном клубе, в Доме Герцена.

А в 1931 году в жаркий, овеваемый всеми ветрами, наполненный грабарами, механизаторами, сезонниками из всех республик Советского Союза, изрытый и шумящий на весь мир Магнитострой прибыл из столицы вагон-редакция. В этом вагоне приехали журналисты и писатели во главе с Демьяном Бедным. Там же был и Валентин Катаев. Вагон пробыл несколько дней на строительной площадке, затем укатил дальше. Катаев остался. Он пришел в заводскую гостиницу, где жили специалисты с заводов Юга и Урала, иностранцы, проектировщики, землемеры, бетонщики, журналисты. Первым знакомым человеком оказался я.

— Наконец-то хоть одно знакомое мне лицо! — кричал Катаев.

Он принес из вагона свой чемодан, блокнот и темные очки. Он поселился с нами, газетчиками. Через неделю он был уже своим челове-

СЛУЖЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЕ

К 80-летию со дня рождения В. П. Катаева

ком на стройке, взбирался на леса, спускался в котлованы, бегал по шатким мосткам над траншеями, дежурил в ночной смене около бетономешалки, вызвавшей на соревнование бетонщиков Харькова... Несколько месяцев безвыездно жил он на стройке. Блокноты его были заполнены именами, цифрами, сводками... Всем, что потом заживет, наполнится пульсирующей кровью, воплотится в строки романа «Время, вперед!».

«Возьми строку и время верни», — писал поэт.

Возьмите, перечитайте «Время, вперед!», и перед вами откроется чудо. Чудо-стройка, чудо-город, чудо-люди. На десятки языков переведен катаевский роман, по нему сделаны кинофильмы и театральные спектакли, он издается и переиздается. И долго будет еще жить. Такова плата за труд писателя, за его бессонные ночи, за вдохновение.

А он тем временем, написав несколько комедий, драму, водевиль («Миллион терзаний», «Дороги цветов», «Авангард»), повернул свой корабль на юг и поплыл в солнечную Одессу, в легендарный тысяча девятьсот пятый год. В середине тридцатых годов вышла повесть «Белеет парус одинокий», ставшая классическим произведением для юношества и первой частью тетралогии «Волны Черного моря».

Более двадцати лет писал Катаев эту эпопею, охватывающую время с 1905 года по Великую Отечественную войну. Это огромный вклад в литературу о нашем времени, монументальный труд, насыщенный событиями двадцатого века, любовью к Родине, мужеством и верой в правоту Ленина. С глубоким реализмом, не боясь правды, признания ошибок, слабостей, Катаев воспекает силу духа советского человека...

...Открыл я третий том Краткой литературной энциклопедии, изданный в 1966 году. Как же он устарел на букву «К»! Ведь после того как этот том был составлен, Валентин Петрович написал еще несколько книг. Он написал «Святой колодец» и «Траву забвения», «Кубик», «Разбитую жизнь, или Волшебный рог Оберона», трогательное «Кладбище в Скулянах» и превращенную затем в пьесу и в телеспектакль «Фиалку», произведение, великолепно разыгранное на телевизионном экране Е. Шатровой, В. Сперантовой, Н. Анненковым.

Вообще актерам, игравшим в театре и в кинематографе произведения Катаева, повезло. Роли в его комедиях, драмах, инсценировках романов всегда прекрасные, живые, благодарные. Можно назвать десятки фамилий, блеснувших и в «Парусе», и в «Квадратуре», и в «Миллионе», в «Дороге», в «Авангарде», в «Шел солдат с фронта», в «Сыне полка», в «Синем платочке» (все фронтовые театры во время войны ставили эту пьесу), в «Домике», во «Времени», в «Отчем доме», в «Дне отдыха»... До сих пор перед глазами М. Яншин, Б. Ливанов, В. Вепдина, С. Межинский, М. Болдуман...

Каждый год Катаев дарит нас новой книгой, романом, повестью, пьесой, рассказом...

Штурвалу писателя подчиняется время. Захочет — и мы вместе с автором встретимся с его другом Владимиром Маяковским, а захочет — с его литературным учителем Бунинным, с Сергеем Есениным, с Демьяном Бедным, с Юрием Олешей, с Всеволодом Багрицким, с братом Катаева Евгением Петровым и с Ильей Ильфом, которые называли его мэтром и своим учителем, которому посвятили «Двенадцать стульев».

Иногда как старые друзья мы гуляем с Валентином Петровичем по Переделкину, вспоминаем, спорим, оцениваем. Беседовать с ним — наслаждение. Несмотря на некоторое несходство вкусов и расхождение в оценке различных событий. Но в основном-то мы с ним согласны. Он человек справедливый (в основном), резкий, восторженный, любящий юмор, разительно ненавидящий паразитов и спекулянтов. Человек с удивительной биографией, прошедший две войны, раненный на фронтах первой мировой войны, газетчик и журналист, воспитатель молодых литераторов, требовательный к ним и к себе (к себе больше!), коммунист, неутомимый путешественник, отец и дедушка, он являет для нас пример служения литературе.

Не всегда критика была справедлива к нему. Помню, когда вышли первые главы «Время, вперед!», один известный литературный критик назвал это произведение «сильно преувеличенной во много раз квадратурой круга», утверждал, что писатель представил великую стройку как водевиль и т. д.

К чести писателя надо сказать, что на критику он всегда реагировал спокойно, не обижался, не мстил, не становился в позу несправедливо обиженного. Он всегда старается извлечь из критики зерно истины.

Он любит исправлять свои старые произведения, переписывает целые куски, охотно работает с редакторами.

Сегодня, в день его восьмидесятилетия, нужно прямо и открыто сказать, что Валентин Петрович являет для всех нас пример высокого служения литературе, вдохновения и трудолюбия.

Вот с этим мы и поздравляем юбиляра!

Исидор ШТОК